

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

И. С. БРАГИНСКИЙ

К СПОРАМ О ГЕНЕЗИСЕ ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

Статья трех авторов по поводу книги Е. М. Мелетинского «Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники» (см. «Советская этнография», 1965 г., № 5) привлекает внимание фольклористов и литературоведов к спорным проблемам генезиса героического эпоса. Предметом спора могут быть три основных тезиса статьи:

1. Значение мифа о «культурных героях» в развитии фольклора освещалось и исследовалось многими учеными еще до работ Е. Мелетинского и не является его оригинальным вкладом в науку.

2. Возводя героический эпос к архаической мифологии, Е. Мелетинский по существу отождествляет их и, поскольку архаическая мифология представляет собою первобытную религию, выводит героический эпос из религии, что неверно.

3. Учитывая наличие критического отношения к концепции Е. Мелетинского со стороны некоторых ученых, неправильным является публикация лишь положительных рецензий о его книге.

Чтобы прийти к объективному заключению по перечисленным трем тезисам, целесообразно по каждому из них выяснить: а) какова позитивная позиция трех авторов, что они сами считают правильным по поднятому ими вопросу? б) какова их аргументация в критике позиции Е. Мелетинского, что они считают в ней неправильным.

По первому тезису:

а) Три автора считают, что «сама постановка проблемы соотношения мифа с эпосом правомерна и не нова... Вряд ли можно возражать против того, что мифология играла определенную роль и в художественном оформлении древнего эпоса» (стр. 94—95). Основными персонажами архаических мифов являются, по мнению трех авторов, так называемые культурные герои, характеристика которых дана правильно в работах зарубежных этнографов, а также в последние годы в трудах советских авторов. Далее приводятся многочисленные ссылки на целую серию териоморфных, зооморфных, полуживотных — получеловеческих культурных героев, в частности: одобрительно цитируется известный автор работы, составленной в прошлом веке, Э. Ланг, писавший, что архаичный «тип культурного героя... даже является действительно бесмертным богом»; принимается оценка культурных героев, данная в работах А. Леви-Брюля.

Что касается соотношения этого архаического мифа и героического эпоса, то точка зрения трех авторов принципиально отличающаяся от концепции Е. Мелетинского, излагается в связи со вторым тезисом.

б) Е. Мелетинский, по мнению трех авторов, ничего нового не сказал о культурных героях, он повторил лишь давно известное, оперируя тем же набором териоморфных и зооморфных героев.

в) Заключение. Критика позиции Е. М. Мелетинского по затронутому вопросу не может быть признана справедливой. Правомерность постановки вопроса о том, что архаический миф о культурных героях стоит у истоков фольклора, три автора признают, и в этом с ними не согласиться нельзя. Известно, однако, что в советской литературе этот вопрос с такой полнотой и обоснованностью поставлен впервые именно Е. Мелетинским в его работах, публикуемых с 1957 г., что отмечают три автора в примечаниях 57—58. При этом Е. М. Мелетинский всегда тщательно указывал, что материал об этих мифах заимствуется им из различных источников, преимущественно из этнографических работ зарубежных или русских. Он вводил таким образом в научный обиход обширнейший материал и библиографию вопроса. Следовательно, говорить о несамостоятельности работы Е. Мелетинского нет оснований.

И уж совершенно неверно, будто Е. Мелетинский ограничивается повторением, простой систематизацией данных своих предшественников — зарубежных этнографов. Напротив, он сугубо критически относится к этим данным. Зарубежные этнографы оценивают миф о культурном герое с идеалистических позиций, а Е. Мелетинский, критикуя их, осмысливает этот миф с позиций исторического материализма.

Э. Ланг, подобно большинству буржуазных этнографов, исходя из посылки об изначальности религиозного сознания первобытного человека (а религии, как об этом писали и Ф. Энгельс, и В. И. Ленин, без бога не бывает) приписывал архаическому культурному герою качества бога. Замечательный ученый А. Леви-Брюль также не смог освободиться от идеалистической социологической теории своего учителя Э. Дюркгейма и, собрав огромный и ценный материал о первобытном мышлении, ошибочно осмыслил его как некое мистическое сознание.

Остроумно и убедительно говорил по этому поводу Максим Горький: «Первобытные люди изображались историками культуры как философствующие идеалисты и мистики, творцы богов, искатели „смысла жизни“. Первобытному человеку приписывались настроения Якова Бёма, сапожника, который жил в конце XVI — начале XVII в. и между делом занимался философией, весьма любезной буржуазным мистикам»¹.

Е. Мелетинский не повторяет зарубежных этнографов, а оригинально переосмысливает их материал, что и составляет его вклад в науку. Жаль, однако, что три автора в полемическом увлечении не заметили, что они-то некритически принимают точку зрения Э. Ланга и А. Леви-Брюля, и это прямо отразилось во втором дискуссионном тезисе статьи.

По второму тезису:

а) С одной стороны, три автора считают, что «для первобытного человека само мифологическое мышление *Сото* передовым явлением. Оно синтезировало и религию, и не отделившееся от нее искусство, и даже примитивную философию родовой общины» (стр. 98). Вместе с тем три

¹ М. Горький, О литературе, М., 1953, стр. 692.

автора неизменно подчеркивают религиозно-идеалистический характер архаических мифов, в том числе — о культурных героях, много раз повторяют, что в основе архаических мифов лежали различного рода неправильные представления религиозного характера, отражавшие пассивность человеческого коллектива, его подчинение силам природы, «Архаические мифы наглядно иллюстрируют — утверждают они, пример того „идеализма первобытного“, о котором писал В. И. Ленин» (стр. 98).

Далее, с одной стороны, три автора, как отмечалось в первом тезисе, считают правильным, что главным персонажем архаического мифа были герои, «культурные герои». Вместе с тем, они тут же отрицают героизм этих, ими же признанных, героев. «Разве есть что-либо героическое» в них, — спрашивают они. «Первобытное мышление..., — заявляют три автора, — не могло создать героя...» (стр. 103). Почему? По мнению трех авторов, в силу пассивности первобытных коллективов и примитивности их сознания: «Коллектив, создавший в своем воображении образ культурного героя-первопредка..., был еще пассивен...» (стр. 102); «сюжеты этих мифов настолько примитивны, что еще не создают героической ситуации для выдвижения героя» (стр. 103).

Противоречивым и неясным является высказывание трех авторов о существе пассивности первобытных коллективов и мифологического мышления. Чем вызвана пассивность? «Этот Коллектив был еще пассивен, так как его мифологическое мышление (безусловно отражавшее земную жизнь и трудовые процессы человека) выражало, однако, подчинение сознания стихийным силам природы...» (стр. 102). Получается: не сознание определяется пассивным бытием первобытного коллектива, а коллектив был пассивен из-за того, что («так как») пассивным было его мышление, которое выражало его же сознание. Бытие, определяемое сознанием; мышление, выражаемое в сознании?! Это все настолько неточно, неясно и непонятно сказано, что лишает возможности полемизировать с этим, ибо с ляпсусом спорить нельзя. То же по существу можно сказать по поводу другой, весьма ответственной части формулировки о мифологическом мышлении. В скобках оно характеризуется как «безусловно отражавшее земную жизнь, трудовые процессы человека», но вне скобок, — что оно «выражало, однако, подчинение сознания стихийным силам природы, преклонение перед ними» (стр. 102). Непонятно: «отражало» трудовую активность («трудовые процессы человека»), «выражало» пассивное сознание («подчинение сознания стихийным силам природы»)?! Формулировка, скажем прямо, также представляется читателю ляпсусом, но как будет показано ниже, здесь сказывается более глубокое недопонимание вопроса. Последуем, однако, дальше, за ходом мысли трех авторов.

Решительно противопоставляя понятия «мифология» и «эпос», они считают, что «эпическое творчество, основываясь на развитом отвлеченном мышлении, имеет свой особый стиль и специфическую художественную конструкцию. Эпос предполагает такое высокое культурное развитие общества, которое воплощает в герое уже разумную деятельность, целесообразно направленную на благо людей» (стр. 104). Именно в эпосе и складывается образ подлинного героя: «...понятие культурного героизма в настоящем смысле этого значения относится только к эпохе цивилизации, зрелого патриархата» (стр. 104).

Такова позиция трех авторов в вопросе о становлении эпоса. Не вступая пока в полемику, можно отметить лишь одну неточность. Поскольку в терминах о ступенях общественного развития три автора придерживаются моргано-энгельсовской классификации, то следует учесть, что

зрелый патриархат относится к эпохе варварства и не должен отождествляться с более поздней эпохой цивилизации.

Три автора оговариваются далее: «...мы не против отыскивания пережитков, архаических признаков во всякой развитой эпической форме. Но в любом случае нельзя позднюю специфику исторического развития эпоса сводить только к рудиментам. В исследовании о происхождении эпического жанра необходимо дать его социально-историческую и художественно-эстетическую характеристику» (стр. 106). Три автора ссылаются при этом на письмо В. И. Ленина к Инессе Арманд, следующим образом излагая указания Ленина, который «так определял важность оценки всякого явления: необходимо выявить главную его сущность¹, затем остатки и отражение в нем прошлого и, наконец, все явление рассмотреть в его историческом развитии, с точки зрения того, что оно дает для будущего» (стр. 106).

б) Исходя из своей точки зрения на соотношение мифоло(ши и эпоса, три автора следующим образом критикуют концепцию Е. Мелетинского. Он, по их мнению, стирает различие между мифологией и эпосом, именует мифологию «мифическим эпосом», сводит более поздний, чем мифология, героический эпос к его пережиточным архаичным элементам и прежде всего к некоему универсальному религиозному мифу о культурных героях.

Поскольку, по мнению трех авторов, Е. Мелетинский проецирует эпическую героину в доисторическую первобытность и уподобляет эпических богатырей зооморфным существам, он тем самым (так можно понять эту инвективу) оскорбляет национальное достоинство кавказских, тюркских и иранских народов, создавших прекрасные образы эпических богатырей.

в) Заключение. При товарищеской дискуссии хочется исходить из презумпции добросовестности спорящих сторон. Вот почему создается впечатление, что в основе критической оценки, которой три автора подвергают концепцию Е. Мелетинского, лежит попросту недоразумение, смещение плоскостей спора.

Дело в том, что существуют различные аспекты, различные плоскости изучения героического эпоса, скажем: «историко-литературное» (как выражался В. И. Чичеров), сравнительно-историческое, историко-генетическое и др. При известной взаимосвязи всех этих аспектов, каждому из них присущи свой объект исследования, угол зрения и специфическая методика. При «историко-литературном» — в центре внимания находятся художественно-эстетические особенности эпоса в его развитии, связь устного и письменного эпоса и т. д. При историко-генетическом — в центре внимания проблема самого зарождения, возникновения и становления эпоса. Любой из этих аспектов изучения эпоса правомерен, и нельзя исследователю, занимающемуся проблематикой своего аспекта, предъявлять претензии, почему он не занимается обширным кругом вопросов другого аспекта изучения; иначе в конце получится печально-известная картина диалога двух глухих.

Е. Мелетинский, как точно обозначено в самом заглавии книги, исследует проблему генезиса героического эпоса, может быть, точнее даже онтогенеза его, т. е. наиболее архаических истоков, самого зарождения эпоса и становления его. На этой плоскости исследования и должны вестись споры. Неправомочно, когда спор переводится в другую плоскость и автору предъявляется требование дать развернутое исследование художественно-эстетических особенностей эпоса в его нынешнем виде. Это не входит в задачу генетического исследования Е. Мелетинского, и упреки в его адрес скользят мимо его концепции, не

затрагивая ее. Еще хуже, если неправомерное требование предъявляется со ссылкой на несуществующее высказывание В. И. Ленина. Да, да, приведенное тремя авторами мнимое высказывание Ленина, будто содержащееся в письме к И. Арманд, является отсебятиной, искажением слов В. И. Ленина в письме к И. Арманд 30 ноября 1916 г.

Вот что писал В. И. Ленин: «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (а) исторически; (Р) лишь в связи с другими; (у) лишь в связи с конкретным опытом истории». Насколько непохоже это лаконичное перечисление основных требований диалектического подхода к изучению любого явления с топорной формулировкой трех авторов!²

В. И. Ленин неоднократно возвращался к изложению основ диалектического подхода в исследовании, любил повторять, что «истина всегда конкретна» и, в частности, по вопросу об историзме предельно точно сказал в известной лекции «О государстве»: «Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений, — самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»³. Опираясь на оба приведенных высказывания В. И. Ленина, можно порекомендовать в историко-генетическом исследовании о героическом эпосе сосредоточить внимание на изучении того, как возник эпос и как он сложился на первом этапе своего развития, когда и произошло его становление как особого жанра, следуя при этом требованиям диалектического метода, в частности, строгого историзма, изучения предмета в тесной взаимосвязи с условиями возникновения и развития и соблюдая максимальную конкретность.

Как обстоит дело в этом смысле в книге Е. Мелетинского с аргументацией его концепции?

Чтобы не увязнуть в словесно-терминологическом споре и не дать увлечь себя ни полемическим запалом, ни несущественными деталями — следует попытаться логически рассмотреть, как разворачивается осмысление процесса возникновения и становления героического эпоса и сопоставить это с конкретно-историческим изложением процесса в книге Е. Мелетинского.

Можно полагать, что мнения участников спора сходятся в том, что мифология и героический эпос относятся к области духовного произвол*ства, связанное с материальным общественным производством племен и народов, являющихся создателями и носителями мифов и эпических сказов, что мифология и героический эпос представляют собою последовательно раз*ивающиеся ступени художественного познания действительности — природы и общества. Следовательно, при изучении этих ступеней художественного познания действительности необходимо рассматривать и связи каждой из них с условиями материально-общественной жизни и связи их (гносеологические) между собой.

Возникновение и становление мифологии, относится к наиболее ранним эпохам человеческой истории, к первобытнообщинному строю. Оценка производственной деятельности и активности общественного чело*река в эпоху первобытной древности не может быть о*дносто-

² В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 49, стр. 329.

³ В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 39, стр. 67.

роной, а должна отражать действительную противоречивость, присущую эпохе. Вспомним исторически обоснованные, восторженные отзывы о наших далеких предках, которые содержатся и в известной, пятой главе первого тома «Капитала», в разделе о процессе труда, и в знаменитом труде Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»: переделывая природу, человеческие коллективы переделывали и собственную природу, начав свое существование и бытие как Человека с производства орудий труда, затем — открытия огня и все более совершенствуясь как *Homo sapiens*. Вместе с тем — на первых стадиях культурного развития первобытные человеческие коллективы были придавлены стихиями, которыми еще не смогли овладеть. Будем исторически справедливы в оценке человеческих коллективов на утренней заре культуры.

Е. Мелетинский следует этому объективно-научному требованию, когда характеризует первобытный героизм. Три автора, как это было отмечено выше, односторонни, и с их оценками, принижающими историческое значение деятельности первобытных коллективов, никак согласиться нельзя. Нельзя также согласиться, что целесообразность в трудовых действиях стала присуща лишь людям «эпической эпохи» — эпохи цивилизации.

Но отсюда следует и разная оценка типа и уровня сознания первобытных человеческих общин. Вспомним, как глубоко и разносторонне характеризовал В. И. Ленин в своих философских трудах («Философские тетради» и «Материализм и эмпириокритицизм») развитие человеческого сознания, его поступательное движение, несмотря на отклонения, несмотря на отлеты от действительности — и к творческой фантазии и к тупику «поповщины». Отсюда вытекает оценка всей противоречивости первобытного сознания: одинаково свойственных ему и «наивного материализма», и первобытной диалектики, и отступлений к «идеализму первобытному».

В книге Е. Мелетинского, особенно в части, посвященной архаическим мифам, на большом фактическом, конкретно-историческом материале раскрывается картина этой противоречивости первобытного сознания. Три же автора, увы, снова односторонни, они заметили лишь первобытный идеализм, проявили недооценку силы логического сознания у наших далеких предков, исторически несправедливо принижают человеческие коллективы в древнейшие эпохи. Согласиться с этим нельзя.

Именно отсюда проистекает и основное разногласие спорящих сторон — в оценке архаического мифа. Е. Мелетинский подчеркивает изначально нерелигиозный характер его, исходя из доказанной конкретно-историческим материалом первоначальной нерелигиозности человеческого сознания. Три же автора отстаивают положение о религиозной сущности архаического мифа, ведущее к признанию изначальноности религиозного сознания. Кто прав?

К. Маркс, как известно, подчеркивал активную сторону мифа, в противовес пассивности, порождаемой религиозным сознанием, когда писал: «Всякая мифология преодолевает, подчиняет и формирует силы природы в воображении и при помощи воображения...»⁴.

М. Горький (об этом подробно говорится в книге Е. Мелетинского) решительно и обоснованно раскрывал не религиозный, а трудовой характер мифа.

Точка зрения советских ученых на природу мифа хорошо выражена в последнее время в статье «Мифология» А. Лосева в третьем томе

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 12, стр. 737.

«Философской энциклопедии», где, в частности, правильно говорится: «Миф не есть религиозный символ, потому что религия есть вера в сверхчувственный мир и жизнь согласно этой вере, включая определенно-го рода мораль, быт, магию, обряды и таинства, и вообще культ. Миф же ничего сверхчувственного в себе не содержит, не требует никакой веры»⁵.

Е. Мелетинский строит свою концепцию, исходя из научно-объективной оценки природы мифа, а не из идеалистически извращенного понимания ее.

Весьма огорчительно, что три автора, являющиеся знатоками изучаемого ими национального эпоса, недостаточно, видимо, изучив и обсудив со специалистами сложную, методологическую сторону проблемы, некритически восприняли идеалистическое понимание природы мифа, свойственное многим буржуазным этнографам, и поспешили опубликовать в печати свое мнение, методологически неаргументированное и ограничивающееся ссылками на некоторых зарубежных этнографов. Пишу «поспешили», поскольку зная трудолюбие трех авторов, уверен, что они не впали бы в ошибку, если продумали бы разностороннюю, диалектическую характеристику материального и духовного производства первобытнообщинного строя, содержащуюся в трудах классиков марксизма-ленинизма, если бы вдумались в то, что писал старый Э. Тейлор об умственных способностях и производственной активности так называемых «дикарей», если бы учли, наконец, такое, очень верное замечание А. Лосева в цитируемой выше статье: «...Леви-Брюль делал ошибочный вывод о дологическом характере первобытного мышления. Можно говорить о слабой дифференцированности логических категорий в первобытном мышлении, но никак не об отсутствии хотя бы одной какой-нибудь из них. Работы Леви-Брюля подверглись в свое время резкой критике, а сам Леви-Брюль впоследствии тоже отказался от своей «дологической» теории первобытной мифологии»⁶.

Все это очень поучительно, и, пожалуй, можно было бы на этом закончить спор. Ведь сами авторы статьи пишут, что не ставят «перед собой задачи подвернуть рассмотрению всю концепцию автора (Е. Мелетинского. — И. С)», а подвергают критике лишь «тезис о генетической связи между мифологическим образом «культурного героя» общинно-родовой эпохи и образом эпического героя позднейшего времени» (стр. 94). Поскольку выясняется, что три автора заблуждаются в исходном пункте — в оценке архаического мифа, — то остальные их критические замечания также не могут быть признаны верными.

Ведь вообще было бы нелогично отрицать гносеологическую преемственность между ранней ступенью художественного познания — мифологией и более поздней — героическим эпосом. Выше уже приводилось мнение трех авторов, что они и не отрицают этой связи. К сожалению, они, возможно опять-таки в полемическом задоре, ошибочно истолковывают точку зрения Е. Мелетинского на эту связь.

Е. Мелетинский не «выводит» героический эпос из архаического мифа и тем более не «сводит» его к этому мифу. Не выводит — ибо как материалист он связывает формы познания с общественно-материальными условиями его развития. Мифология возникает и складывается в условиях первобытнообщинного строя, героический же эпос — в переходный период от доклассового к классовому обществу. Все это достаточно пространно и конкретно доказано в разбираемой книге Е. Мелетинского.

⁵ «Философская энциклопедия», т. 3, М., 1964, стр. 458.

⁶ Там же, стр. 463.

Не сводит — потому что не отождествляет семени с распутившимся цветком, архаический примитивный миф со сложившимся героическим эпосом. Исследуя, как в новых общественных условиях складывается новая форма художественного познания, Е. Мелетинский на большом материале доказывает, что при этом существенным образом перестраивается, преобразуется, обновляется архаический мифический образ культурного героя. Героизм культурного героя архаического мифа развертывается преимущественно в сфере отношений человеческого коллектива с природой, переделки природы, овладения ее силами. Героизм же героя эпоса — преимущественно в сфере общественных отношений человеческих коллективов, разных племен и народностей. Весь процесс духовного производства, выраженный в возникновении и развитии как мифологии, так и героического эпоса, проходит под знаком все более 'Совершенствующегося человековедения. Уже териоморфные и зооморфные образы культурных героев, связанные еще с тотемистическими представлениями, обнаруживают поворот лицом к человеку, к первобытному человеческому коллективу; ведь культурные блага они, даже эти зооморфные герои, эти культурные герои добывают-то для людей. Позже эти культурные герои все более антропоморфируются, ибо 'постепенно, еще в рамках мифологии благо и зло поляризуются: благо — на человеческом полюсе, зло — на зверином полюсе. Сколь ни парадоксально, но само «обожествление» культурного героя — означает уже обычно полное очеловечение его: прежде чем стать «богом», он становится человеком. В принципиально новых исторических условиях, при складывании героического эпоса со своими особыми, качественно отличными от мифологии специфическими чертами (которые Е. Мелетинский достаточно ясно показывает в книге), вполне естественно (и это доказывается фактическим материалом) образ мифического 'Культурного героя служит субстратом для образа эпического героя. Естественно и то, что черты этого субстрата прослеживаются в пережиточных элементах образа эпического героя. Заслугой Е. Мелетинского является то, что он доказал эти положения не только логически, а конкретно-исторически, выполнив при этом перечисленные выше требования историзма, рассмотрения разносторонних взаимосвязей и конкретности истины. Его концепция генезиса героического эпоса методологически отвечает логике историко-материалистического исследования, доказана конкретно-историческим материалом и потому убедительна.

Что же противопоставляют концепции Е. Мелетинского о генетической связи мифологии и героического эпоса три автора?

а) Отрицание героизма на ранних ступенях первобытнообщинного строя, несостоятельность чего уже рассмотрена выше.

б) Признание героизма лишь для эпохи цивилизации, что представляет собою некритическое восприятие концепции Чэдвиков о «героической эпохе»; но концепция эта неприемлема для тех, кто не признает аристократического происхождения эпоса (надо полагать, что три автора не являются сторонниками «аристократической теории» эпоса).

в) Истолкование положения о связи мифа и героического эпоса как якобы их отождествления. Между тем само положение Е. Мелетинского о преобразовании одного образа в другой три автора косвенно признают, когда не раз пишут о том, что мифологические образы приобретали определенную художественную функцию в героическом эпосе. Раз «приобретали», значит признается преобразование образа мифа в образ героического эпоса, а ведь Е. Мелетинский доказывает именно

это, а вовсе не отождествление двух качественно различных образов. Тут следует также отметить, что ничего оскорбляющего национального или художественного достоинства выдающихся слагателей эпоса нет в том, что в образах эпических богатырей выявляются черты их генетической связи с архаическими культурными героями. Это опять-таки недоразумение. Разве является оскорбительным для человека факт его происхождения от обезьяны? Этот факт «возмущает» лишь организаторов «обезьянних процессов», но никак не трогает культурных людей.

Возвращаясь к вопросу о религиозном или нерелигиозном характере мифического «культурного героя», нельзя не заметить, что и здесь у трех авторов проявляется противоречие: то они сочувственно цитируют А. М. Золотарева и С. А. Токарева о том, что 'Мифологические образы лишь «с течением времени с развитием космогонического мышления... превращаются в богов и полубогов» (т. е. признают первоначальную нерелигиозность мифа), то голословно (смешивая типологическую и хронологическую синхронность) утверждают, что выделение нерелигиозной мифологии «произошло не в эпоху матриархата, когда были созданы первобытные мифы, а тысячелетиями позже — при патриархате и начале государственности» (т. е. признают первоначальную религиозность мифа). Но ведь это не диалектическая логика противоречий, а попросту противоречивая логика. Как же можно так предвзято и амбициозно, со столь противоречивыми формулировками, опорочивать, как якобы предвзятую схему, серьезную, аргументированную марксистскую концепцию генезиса героического эпоса?

По третьему тезису можно без длительной полемики прийти к заключению, что столь же амбициозным является претензия трех авторов, обращенная уже не к Е. Мелетинскому, а к его рецензентам. Вольно воля: вольно трем авторам выступать с 'Критикой интересной книги; но кто может ученым запретить соглашаться с концепцией Е. Мелетинского?

И здесь одно -вынужденное отступление. В настоящей статье не оставлен без внимания ни один логический довод трех авторов, имеющий прямое отношение к дискуссии. К сожалению, в статье трех авторов не только высказано странное мнение о табуировании положительных рецензий, но и высказывается в отношении Е. Мелетинского множество голословных обвинений. Это — нетоварищеский метод ведения полемики и дабы не усугублять его, нет смысла разбирать многие замечания, не имеющие решающего значения для выяснения научной истины.

Общее заключение

При объективном рассмотрении аргументации двух сторон — автора рассматриваемой книги, Е. Мелетинского и трех авторов дискуссионной статьи — убеждаешься, что доказательная сила на стороне первого. Упрек в предвзятости оборачивается против трех автооов.

SUMMARY

The main point of disagreement between three authors of the debating article on E. Meletinsky's book and the latter's authors himself consists in the evaluation of the nature of an archaic myth about «culture heroes».

E. Meletinsky considers this myth as primarily non religious. These three authors consider it as a religious one. They however err in a one-sided evaluation of the nature of